

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 327.8

DOI 10.37468/2307-1400-2023-3-5-18

СОЦИОЛОГИЯ МЕНТАЛЬНОЙ ВОЙНЫ

*Макаров Евгений Борисович*¹

¹ Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Калининград, Россия

АННОТАЦИЯ

Данное теоретическое исследование предлагает социологический подход к актуализировавшейся в последнее время проблематике ментальной или смысловой войны. В введении проанализированы уже имеющиеся подходы, определившие дальнейшее направление и разделение невооружённого, информационного и психического противостояния на ментальную и когнитивную войну, а затем сформулировано социологическое измерение ментальной войны, основываясь на классическом позитивистском научном представлении об обществе, заключённом в таких взаимосвязанных понятиях, как социальная структура, социальная система и коммуникация.

Далее рассмотрена социальная структура, понимаемая как взаимосвязанная совокупность социальных ролей, расположенных в порядке их статусной стратификации, как исторически сформированная форма воспроизводства социального неравенства, являющаяся весомой причиной дезорганизации и дестабилизации сообщества, нарочно провоцируемые в рамках ментальной войны.

Социальная система, рассматриваемая нами как система легитимации социальных ролей и статусов, институтов и норм поведения, в соответствии с преобладающими в данном сообществе ценностями, является системой воспроизводства социального индивида. Далее анализируются нормы и ценности в качестве социальных фильтров, корректирующих работу системы и защищающих её от вредоносных сигналов.

В разделе «социальная коммуникация» обосновывается, что коммуникация из сферы частного и социогенной потребности превратилась в сферу массовой коммуникации и развлечения. Анализируются основные функции коммуникации: информационная, экспрессивная и прагматическая, – в рамках информационной и психологической войны, т.е. тактического уровня ментальной войны. Рассмотрена проблема адекватного/неадекватного понимания как коммуникативного навыка операционализованного в концепции социоментальной стратификации Т.М.Дридзе, которую можно использовать как базовую методологию изучения критического мышления – важнейшего фактора ментальной защиты.

Ключевые слова: ментальная война, смысловая война, стратификация, неравенство, социальная система, социальная коммуникация.

THE SOCIOLOGICAL DIMENSION OF MENTAL WARFARE

*Makarov Evgeny B.*¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

ABSTRACT

This paper offers a sociological approach to the recently actualized problems of mental warfare. First, we will list the existing approaches that have determined the further direction of informational and mental confrontation, and then formulate a sociological dimension of mental warfare based on the classical positivist scientific view of society.

Next, we consider the social structure, which is a significant cause of disorganization and destabilization of the community, deliberately provoked within the framework of mental warfare.

We consider the social system as a system of legitimization of social roles and statuses, institutions and norms of behavior in accordance with values. Next, we analyze norms and values as social filters that correct the operation of the system and protect it from malicious signals.

Next, we analyze the main functions of communication: informational, expressive and pragmatic, within the framework of information and psychological warfare, i.e. the tactical level of mental warfare.

At the end we focused on the problem of adequate / inadequate understanding as a communicative skill operationalized in the concept of sociomental stratification by T.M.Dridze, which can be used as a basic methodology for studying critical thinking – the most important factor of mental protection.

Keywords: mental war, semantic war, stratification, inequality, social system, social communication.

Введение

В докладе стратегического центра «RAND» приводятся цитаты из китайских источников, относительно событий связанных с распадом СССР, в частности говорится: «Авторы связывают развал Союза с «тихой войной» или «специальной войной», которая была тщательно спланирована, организована и начата США, с незаметной идеологической атакой на когнитивное пространство Советского Союза и долгосрочным манипулированием идеологией, в результате чего значения понятий «страна», «нация» и «политика» были расчленены или подорваны, а народная идеология постепенно погрузилась в хаос и вызвала глубокий нигилизм»¹. Распад Союза произошел 30 лет назад и соответствующие изменения в мировоззрении сейчас трудно ощутить, но в наше время мы становимся свидетелями и участниками различных трансформирующих сценариев, в основе которых сюжеты, распространяющиеся с эффективностью ментального вируса.

Метафора² ментального вируса [1] обрела своё значение в различных концепциях невооружённого противостояния или проще говоря войны: гибридная [2], информационная [3, 4], смысловая [5], информационно-психологическая [6], психо-историческая [7, 8³], психологическая [9], – и более ранние и близкие по смыслу: рефлексивное управление [10], теория «молекулярной» агрессии А.Грамши [9], 36 китайских

военных стратегов. Сейчас в этом направлении выделились два основных интеграционных подхода: ментальная и когнитивная война (далее сокр. МВ и КВ)⁴. Таким образом, ментальная война – это война за выбор (какую, в конечном итоге, этическую систему выбрать), а когнитивная война – борьба за понимание (себя и окружающего пространства). Психические, культурные, идеологические и смысловые аспекты ментальной войны довольно подробно рассмотрены в работах А.Ильницкого [13], А.Лосева [14], А.Школьниковой [1]. В западном экспертном сообществе «ментальный вирус» имеет операционализацию на уровне познавательной деятельности человека и реализуется в таких научных направлениях, как нейробиология, кибернетика, информатика и когнитивные науки⁵. Поскольку когнитивный уровень рассматривается как предельный в данной науч-

⁴ Часто в нашем понимании когнитивный, ментальный (умственный) и мышление – это понятия-синонимы. Познание (cognition) – это совокупность познавательных процессов, одним из которых является процесс организации мышления с целью рационального получения знания об окружающем мире (это третья, после ощущения и восприятия, и наивысшая степень познания [11].

Мышление также относится к высшим функциям нервной деятельности человека; оно возникает тогда, когда создаётся проблемная ситуация и для её решения требуется сделать выбор (intellego – лат. «выбираю между») [12]. Мышление – система целеполагания для разумной деятельности, это деятельная составляющая разума, его динамика.

Ум – умение обобщать знания и опыт (обучаться) и применять их к различным сферам деятельности т.е., умение делать выбор и принимать согласованные с рациональным мышлением и опытом решения. Ум также формирует признаки отличия «Я» в окружающем пространстве, следовательно, ум – это социальное понятие; он зависит от набора определённых качеств, поэтому принято говорить о различных типах ума.

Обобщая, можно сказать, что ум является признаком социально-дифференцированного сознания, а познание (когниция) – психическим аспектом личности.

Ментальный от слова «mental» – умственный, мысленный (англ.). Это предикат, объективирующий само понятие мышления (т.е. психическое) и, соотносящий внешние проявления с внутренней ЭГО-структурой личности (т.е. социальное)..

⁵ Основа этого направления NBIC-конвергенция (N – нано; B – био; I – инфо; C – когниция). То есть конвергенция основных наук будущего, по мнению иностранных специалистов. Президент НИЦ «Курчатовский институт» М.В.Ковальчук внёс в аббревиатуру «S» – социальные науки.

¹ Цитируется по переводу «Chinese Next-Generation Psychological Warfare: The Military Applications of Emerging Technologies and Implications for the United States» (Beauchamp-Mustafaga, 2023: 23)

² Однако существуют и не метафорические концепции ментального вируса – психовирус. В частности, при распространении интерфейсов «Мозг-ЭВМ», мозг может быть взломан и атакован. «Эта концепция сочетает в себе характеристики компьютерных и биологических вирусов: заразительность, скрытость, вирулентность, трансмиссивность, латентность, раздражимость, самовоспроизведение, регенерация, изменчивость, схожая эффективность и разрушительность». Цитируется по переводу «Chinese Next-Generation Psychological Warfare: The Military Applications of Emerging Technologies and Implications for the United States» (Beauchamp-Mustafaga, 2023: 24)

³ Переслегин (2021) – разработка концепции А.Азимова из литературного цикла «Основание»

ной парадигме, то и война терминологически называется когнитивной [15-19]. Конечно, хотя стратеги Североатлантического альянса и рассматривают социальную сферу как пространство войны (разрушения и принуждения общества), однако действовать предлагается когнитивными средствами [20].

В китайской классификации МВ соответствует понятию стратегической психологической войны, нацеленной на страны и целые сообщества, где целью являются не уничтожение противника или захват территории, а формирование представлений и убеждений людей. Также в китайской концепции есть близкая по определению, но далёкая по смыслу социальная когнитивная война – воздействие на когнитивную сферу на уровне общества. Это обновленная версия стратегической психологической войны. Данная концепция предполагает манипуляцию информацией в социальных сетях для коренного изменения эмоций, мотиваций, суждений и поведения противника. На практике это относится к категории «войны за общественное мнение» [21]. Т.е. в социологическом плане здесь рассматривается лишь информационный компонент социальной коммуникации в сетевых системах, что отдаляет нас от общего видения ментальной войны в социологическом измерении. Таким образом, исходя из литературного обзора, можно сказать, что когнитивная война направлена на индивида – нарушить возможность понимания и интерпретации, а ментальная война направлена на группу или сообщество – увеличить поляризацию, дезорганизацию и, в конечном счёте, привести к расколу, т.е. она априори социальна и поэтому в российской экспертной методологии КВ является частью МВ.

Также ментальная и когнитивная война отличаются по уровням, типам, целям, времени, способам и средствам воздействия [22].

В качестве обобщённого определения ментальной войны будем считать целевое воздействие на социально-психологическую сферу сообщества для изменения его поведенческой модели и идентичности.

Далее, переходя к социологии, можно вспомнить известного североамериканского исследователя власти Ч.Р. Миллса, он полагал, что есть три основных вопроса, которые должен поставить перед собой социолог, изучая сообщество: раскрыть его структуру, определить преобладающие социальные типы или «человеческие натуры» в этой структуре и узнать место данного сообщества в истории [23]. То, благодаря чему формируется социальные типы людей – система воспроизводства, является социальной системой, которая основана «на единообразии требований, норм, правил и социальных ролей» [24]. Между тем, то есть между социальной структурой и системой, находится ткань социального взаимодействия – социальная коммуникация. Эти три социальных аспекта, рассматриваемые в нашем исследовании, и составляют базис и предмет классического социологического подхода или социального измерения. Они же являются основными уровнями воздействия в целях ментальной войны. Методологически эта рамка может быть представлена в виде таблицы 1. В основе нашей идентичности – культура, ценности и традиции, а в основе поведения – социальные роли, заданные социальной структурой сообщества, распределяемые в соответствии с социальным порядком (системой). Именно мораль – знание, что есть добро и

Таблица 1 – Обобщённая таблица разделения психологического и социального в зависимости от целей и уровней МВ и соотнесения с социологическим измерением [22]

Уровень	Психическое	Социальное	Социологическое измерение
Стратегический (МВ)	Смена идентичности / поведения	Принятие иной морали	Структура
Операционный (КВ)	Влияние / радикализация	Поляризация / раскол	Система
Тактический (Информ.-психологические операции)	Манипуляция убеждениями / эмоциями	Дестабилизация / дезорганизация	Коммуникация

зло, устанавливает этические рамки сообщества, которые согласуют поведение его членов.

Исходя из вышесказанного и данного выше определения МВ, мы можем сформулировать проблему, представляющую интерес и объект социологического изучения: как целенаправленное внешнее воздействие на мышление может повлиять на целостность нашей социальной структуры и системы?

***Основная гипотеза:** цель МВ – это воздействие на социальную структуру сообщества противника через манипулирование стратификацией и социальной коммуникацией.*

В задачи данного исследования входит прояснить теоретическую разведку ментального противостояния в поле социальной науки и определить контур вопросов для дальнейшего исследования.

Социологическое измерение – социология войны

В России социология войны существует как направление эмпирической социологии и ограничивается исследованием «..морально-бытового состояния военнослужащих и материально-технического обеспечения армейских и вспомогательных подразделений» [25]. Также существует специализированный социологический центр Министерства обороны РФ. Однако эксперты видят прямую необходимость изучения того, что предшествует военным действиям, поскольку война, в ряде некоторых случаев, возникает как средство решения общественных задач (общественно-политических и экономических), при этом желательный эффект таких войн для стран бенефициаров – это трансформация внешнего конфликта во внутреннее противостояние уровня гражданской войны [25]. Другое наблюдение говорит, что для социологического исследования возникает широкий круг задач, т.к. современные военные действия направлены, скорее, не на прямое завоевание территорий или ресурсов, а опосредованно, через «переформатирование социума» страны-цели [26]. Таким образом, социология современной войны должна быть связана с особым типом пространства – мен-

тальным пространством сообщества. В военных доктринах НАТО и Китая когнитивная сфера уже выделена в особый домен наряду с наземными, морскими, воздушными, космическими и кибернетическими военными направлениями, т.е. это шестое пространство ведения современной войны [21]. Поскольку социальное пространство является связующим звеном между всеми остальными – иначе и не было бы целей, субъектов и объектов войны, – то изучение этого пространства является главной задачей исследователя. В первую очередь, необходимо коснуться основы основ – социальной структуры общества.

Социальная структура

Если обобщить определения классиков прошлого и современности, то социальная структура – это взаимосвязанная совокупность социальных групп, функционирующих как социальные институты [23, 24]. Под социальным институтом можно понимать возникшую для удовлетворения социальных потребностей и упорядоченную согласно авторитету совокупность социальных ролей [25, 26]. Авторитет или статус в сообществе распределяется согласно стратификационной шкале П. Сорокина. Он предложил естественное деление на социальные страты по: уровню дохода, образованию, социальному престижу и власти. В свою очередь К. Маркс предложил классовую структуру общества – иерархия в системе владения производственными силами и распределения прибавочной стоимости. Таким образом, чтобы выявить социальную структуру общества, надо определить, какие потребности удовлетворяет та или иная группа (функционирующая как институт) согласно статусу данной потребности в конкретный исторический момент. Например, потребность во власти или богатстве – иерархическая; в приватности и со-зависимости – сетевая; в биологическом детерминизме – кастовая; в идеологии – классовая структура и т.д.

С другой стороны социальная структура помогает обнаружить преобладающие и желанные формы занятости в сообществе: поскольку социальная занятость – это очевидная форма удовлетворения социальных потребностей, то по

желанным (привилегированным) формам занятости можно определить статусные роли и потребности, а значит и укоренение различных форм неравенства.

Стратификация и неравенство

Шкалу стратификации ещё называют шкалой неравенства [24]. Это наглядное и явное распределение неравенства в сообществе и потому может быть (и является) во всех странах орудием дестабилизации и усиления влияния как в рамках обычной внутренней политической борьбы, так и инструментом ментальной войны.

Обратимся ещё раз к общепризнанным условиям формирования структуры сообщества – это: а) классовый и б) стратификационный подходы. Из чего можно сделать вывод, что стратификация – это явная (понятная) система выявления социального неравенства на основе распределения а) дохода и б) авторитета (образование, престиж, власть), т.е. активных свойств агента социального пространства, реализуемого в качестве социального капитала, как полагал П.Бурдьё [27]. Эти условия можно охарактеризовать как объективный и субъективный подходы, т.к. уровень дохода – это объективный показатель владения имуществом, мехами, едой и т.д.; он не зависит от шкалы ценностей в сообществе, на основе которой можно построить свой авторитет. В новое измерение социальной стратификации, в связи с расширением социологической парадигмы и информационных технологий, а значит и неравенства, можно также добавить стратификацию на основе распределения доступа к ИКТ и вытекающей из этого дихотомии приватность/открытость. То есть дополнительное деление на индивидов – свободных, имеющих личную приватность, и индивидов, встроенных в систему массовой информационной коммуникации, подразумевающей тотальное открытие персональных данных, а значит индивидов с предсказуемым поведением. Данная категория распределяется между двумя экстремумами: потребительской свободой (статусное потребление) и социальной неэффективностью, т.е. бедностью по З. Бауману

[28]. Приватность, в данном случае, может рассматриваться как интеграционный показатель для шкалы власть, богатство, образование и престиж, поскольку, лишь обладая всеми этими характеристиками, индивид в полной мере может обладать субъектностью и независимостью в принятии решений, т.е. быть частью «элиты» сообщества.

Высший слой в РФ по одним данным 10-14% [29], по другим 15% [30]. Эта страта, которая имеет привилегированные формы занятости, включая досуг и здоровье. Можем ли мы охарактеризовать эту страту как класс? Вероятно, поскольку данная обособленность будет неизменно формировать свои привычки, правила, нормы, традиции, формы проживания и соответствующие идеи, почему они этого достойны и почему такой порядок следует сохранять. Ради сохранения этого порядка, ведь здесь очевидно есть что терять, эти люди пойдут на многое, поэтому высший слой, а не только «элиты», является основной целью нападения в МВ.

В контексте ментальной войны угроза состоит в следующем. Выделив в структуре сообщества доминирующие взаимосвязи, мы можем либо их разрушить, либо, что более ценно, оказывать на них влияние. В любой социальной структуре мы имеем такое социальное пространство взаимодействия статусов и ролей, при установленном внутреннем порядке, что, при необходимости, этот порядок можно менять, благодаря возможностям горизонтальной и вертикальной мобильности. Эта необходимость, например, определяемая целями внешнего актора, задаёт траекторию движения объекта в социальной структуре сообщества-цели, подкрепляемую ресурсами (информацией, влиянием, деньгами) внешнего актора. Изменение статуса манипулируемого объекта на более выгодный, позволяет данному объекту занимать доминирующие позиции в социальной системе и влиять на функционирование этой системы или её подсистем. Таким образом, социальная структура, но не сама по себе, а как совокупность институтов удовлетворения необходимых

общественных потребностей, может выступать в качестве инструмента активной социальной дефиниции, при подкреплении достаточным количеством ресурса. Так, например, если снова обратиться к шкале стратификации П.Сорокина и выделить статусные доминанты в качестве базового ресурса, то можно предположить подобную модель: деньги или богатство – олигархический статус (плутократия); власть – статусная бюрократия, осуществляющая контроль за финансовыми потоками (семейно-клановая структура), вкупе с властью меньшинств, статусных иностранных НКО – контроль информационной и идеологической системы сообщества; образование западное – статусные «либерал-революционеры» (радикальные реформы, распродажа гос. активов и т.д.); престиж – повышения престижа антигосударственных и оппозиционных лидеров и групп в РФ 2012-2018 гг. Это попытка, в данном случае, создать искусственные элиты с целью давления на сообщество.

Вообще «элитизм» как высшая форма стратификационного неравенства – это один из ключевых аспектов МВ. В позднем СССР, например, именно борьба с номенклатурой, олицетворяющей неравенство, было одним из основных моментов в деле дестабилизации общественных настроений. Поэтому на стратегическом уровне предательство элит приравнивается к блицкригу в МВ [1]. На операциональном и тактическом уровнях основная цель состоит в том, чтобы запутать, запугать, ослабить, сбить с толку, лишить воли к сопротивлению, замедлить принятия решений людей, исполняющих руководящие роли и находящиеся на вершинах социального пантеона. Как бы то ни было, искусственное вторжение в социальную стратификацию общества и развитие данного направления ведёт к усилению неравенства, усиливает кризис дестабилизации в сообществе, а значит, в итоге, ставит вопрос выбора: на чьей стороне быть и какой системы этических (моральных) координат придерживаться.

Социальная система

Под социальной системой будем понимать исторически и социально обусловленную взаимосвязанную совокупность социальных институтов, распределённых согласно их функциональной значимости. Цель социальной системы – воспроизводство социальных институтов, отражающих актуальное историческое мировоззрение сообщества. Иначе говоря, социальная система «отвечает» за связанность институтов с традициями, нормами и ценностями того или иного сообщества, а значит отвечает за их формирование и поддержание. Поэтому именно социальная система, с точки зрения операционной ментальной и когнитивной войны, является основным объектом воздействия. Советник министра обороны А. Ильницкий указывает, что: «Абсолютной победой считается оккупация духовного пространства и общественного сознания, когда побежденный не только утрачивает способность отстаивать свои ценности, но полностью ассимилирует чуждые и «фальшивые» установки, которые ему внедрил, навязав свою волю, противник-победитель» [31].

Важно, конечно же, пояснить, что целью МВ/КВ является не абстрактная социальная система как таковая, а продукт её функционирования – непосредственно сама социальная личность (поэтому мы говорим о ролях, а не об индивидах или людях). Если удастся ответить на вопрос, какие типы личности (роли) воспроизводит та или иная система, и сравнить их с доминирующим общественными нормам и ценностям, то удастся ответить на вопрос, кто в данной системе владеет идейным и консенсусным преимуществом. Если, например, в сообществе декларируется ориентир на традиционные ценности, но социальная система порождает нарушение привязанности у детей, подростков и их родителей, способствуя, таким образом, формированию личности отчуждённой, то здесь, либо явный диссонанс в деле социального управления со стороны государства, либо успешный результат МВ. И в том, и в другом случае социальная система начинает устойчиво работать на поляризацию и

раскол сообщества. Уже сейчас «...в России сложилась специфическая социальная стратификация, сочетающая структурированную (сословную) систему дифференциации и институализированную (социально-профессиональную) иерархию» [29].

С точки зрения ментальной войны, это можно объяснить следующим образом: как писал советский философ В.Г. Афанасьев, социальная система как самоуправляющаяся система, способна обезопасить воздействие, которое не превышает энергию связи социальной структуры. С этой целью используется фильтр для отслеживания и корректировки сигналов, что позволяет избежать опасного воздействия на систему [32]. В качестве фильтра выступает наша ценностно-нормативная структура: (а) институализированная – система законов, регламентов, правил и (б) неинституализированная – традиции, привычки, верования, смыслы, культы, мифы или «культурный код» – совокупность общих объединяющих признаков принадлежности к единому культурно-историческому сообществу. Следовательно, логично работать с явными проявлениями норм – меняя правила и законы, с одной стороны и, личностью как носителем усвоенных ценностей, с другой стороны. Так, влияя на оба эти направления, во-первых, на проявление сословного принципа через индокринацию чуждой культуры и идеалов, например, британского и общеевропейского аристократизма в стиле какрго-культы, на личностном и далее групповом уровне, и во-вторых, на социально-профессиональную сферу через образование иных стандартов в деятельности и жизни (стандарты ISO, ESG-повестка, инклюзивный капитализм Шваба, потребительские привычки и др.).

Здесь мы сталкиваемся с ещё одной проблемой, с дифференциацией, напоминающей типы социального кодирования М.К. Петрова: лично-именной и профессионально-именной, – но парадокс в том, что у советского философа эти типы относятся к различным историческим эпохам – эпохе охотников и собирателей и эпохе разделения труда [33], а мы говорим о современности.

Таким образом, нет необходимости менять систему, в которой поменяли фильтр. Теорию «смены фильтров» наглядно описывает концепция окна Овертона, которую часто используют в качестве оружия ментальной войны. Так постепенно социальные изменения накапливаются и доходят до социальной структуры, изменяя порядок удовлетворения социальных потребностей.

Осталось выяснить ещё один момент: что за сигнал, который необходимо отслеживать и корректировать, дабы избежать опасных воздействий. В эпистемологической традиции информационного подхода, под сигналом подразумевается язык [30] как универсальный способ передачи информации, и поскольку мы «вращаемся» в системе социального взаимодействия, то и языковые сигналы должны описываться соответствующими социальными функциями. В данном случае под этой категорией мы будем понимать социальную коммуникацию.

Социальная коммуникация

Согласно нашей методологии, коммуникация соответствует уровню информационной войны. Именно этот уровень является самым явным и прочно вошедшим в наш повседневный обиход, благодаря системе массовой коммуникации как основному способу передачи информации, а также позволил эксплицитировать и обосновать основные концепции – ментальной и когнитивной войны. Однако, как мы указали выше (см. прим. №3), ментальный – эта сфера социального, а когнитивный – психологического, и обе эти сферы имеют естественную связь посредством коммуникации. Здесь-то и надо искать причины смешения понятий МВ / КВ. Даже в академических источниках видят синонимию в массовой и социальной коммуникации, представляя «соцком» как часть «маском», несмотря на то что «соцком» отвечает за цели и функции коммуникативной деятельности человека, а «маском» за коммуникативную деятельность структур с использованием технических средств и медиатехнологий [34]. Хотя было бы логичнее определять массовую коммуникацию как подсистему социальной коммуникации,

детерминированную техническими средствами и технологиями передачи информации, как, например, и сетевую коммуникацию. Но, здесь легко угадывается осознание того своевременного факта, что технологическая детерминанта коммуникативного взаимодействия разрослась и «захватила» всю социальную сферу. Пример доминирования данной парадигмы можно найти у М. Кастельса «Власть Коммуникации» [35]. Также в описании КВ мы часто встречаем огромную значимость техносферы для этой концепции, можно даже сказать, что именно современные технологии коммуникации породили данный тип некинетической агрессии: «Когнитивная война – это искусство использования технологических инструментов для изменения восприятия человеческих целей» [16]. В итоге мы видим, что поглощённая технологиями социальная коммуникация из потребности в межличностном общении превратилась в сферу развлечения и стала массовой, покинув сферу приватного взаимодействия [36]. Таким образом, нарушена одна из базовых социальных потребностей – социогенная, т.е. потребность в другом [34], и решены, соответственно, задачи операционного уровня – поляризация и раскол сообщества.

Важно также отметить, что нижний уровень ментальной войны – информационная и психологическая войны, базируются аккуратно на основных функциях социальной коммуникации: информационной, экспрессивной и прагматической [37].

Информационная – сообщать информацию о предметах, их свойствах, явлениях, действиях и процессах. Для социальной системы базовая потребность в информации определяется её необходимостью в деле социального управления сообществом [32], а для определения и регулирования социальных потребностей сформировался институт общественного мнения (ОМ)⁶.

⁶ Прежде всего, это институт легитимации политического действия, как полагал П.Бердье, его основная задача сформировать иллюзию существования суммарного среднего индивидуальных мнений, о чём будет написано далее, т.е. Бердье имел в виду, что ОМ придумали как некий индикатор общественного консенсуса относительно какой-либо проблематики, чего, конечно же, нет [27].

Натуралистический подход нам говорит, что ОМ – эмпирически фиксируемая форма массового сознания, которая отчасти совпадает с носителями группового (классового) сознания [38]. Субъективистский подход даёт нам определение ОМ как совокупности индивидуальных мнений, и чтобы его понять, надо обратиться к личностям, из которых состоят группы [39]. В подтверждение этого можно добавить слова В.Г.Афанасьева о мозге отдельного человека как вместилища всей информационно-логической структуры субъекта управления [32]. Поскольку ОМ изменчиво как динамическая составляющая массового сознания, то «искажённая информация о событиях и манипулирование ею, с целью вызвать необходимый эмоциональный отклик об этих событиях, нарушает адекватную консервативную составляющую массового сознания данной человеческой ассоциации в восприятии окружающей действительности» [40]. Таким образом, подчиняя и противопоставляя институт общественного мнения общественному же сознанию, т.е. совокупности идей, взглядов и представлений данной эпохи, как писал Б.Грушин⁷ [38], можно подготовить почву и произвести раскол данного сообщества. Поэтому информационная война (ИВ) направлена на контроль того, что видит целевая аудитория [22], а манипуляция, дезинформация и обман являются конвенциональными средствами формирования ОМ. Это новый тип войны, определяемый как использование общественного мнения внешними субъектами, говорят западные эксперты [41]. Также «война за общественное мнение» входит в концепцию «три войны», о чём мы писали выше, это тип психологической войны, которой эксперты НОАК уделяют основополагающее значение в стратегической психологической войне как в мирное, так и военное время [21].

⁷ «Отец» североамериканского PR-а Э.Бернейс же полагает, что «мышление среднего индивида – набор догм, опирающихся на авторитет: родители, учителя, вожди и т.д.» [39]; сегодня мы можем добавить к этому ещё и лидеров общественного мнения, чье влияние в сети интернет, благодаря её трансграничности, превосходит все разумные пределы и используется для манипулирования.

Экспрессивная – способность выражать оценочную информацию об окружающей действительности. В рамках МВ эта функция напрямую эксплуатируется в психологической войне – контроле за тем, что чувствует целевая аудитория [22]. В данном случае к контролю за информацией – что видит аудитория, добавляется и контроль за эмоциями и чувствами. Вошедший в широкий обиход с началом СВО принцип «эмоциональных качелей», так называемой «зрады» (предательство – укр.) и «перемоги» (победа – укр.), является крайне эффективным способом поляризации сообщества посредством радикализации её наиболее активных полюсов⁸. Радикальная поляризация губительна для любого сообщества, когда одна сторона не желает слушать и слышать другую, находясь на волне эмоций. При этом, нестабильное эмоциональное состояние открывает широкий простор для манипуляций. Особенно это стало эффективно благодаря распространению социальных медиа, эксперты НАТО так пишут об этом: «Социальные сети особенно хорошо подходят для усиления политической и социальной поляризации из-за их способности очень быстро и интенсивно распространять изображения насилия и страшных слухов»⁹. С.Г. Кара-Мурза, в этом смысле, употребляет выражение – длительный эмоциональный стресс, который сродни стихийному бедствию губителен для социальной системы [9]. Также о роли эмоций в электоральных решениях в США убедительно пишут М.Кастельс [35], Э.Бернейс [39] и др.

Прагматическая – воздействие на коммуниканта, с целью получения реакции, соответствующей социальной норме речевого поведения. Данная функция аналогична перформативному речевому акту, т.е. задача добиться от индивидуума деятельного соответствия смысловой направленности сообщения (сигнала) – приказ, призыв, просьба, новость, комментарий или «пост» в соц-сети. Это крайне важная функция

⁸ «Зрадапереможник» – диалектический субъект коммуникативного пространства, находящийся в позиции психологического экстремума.

⁹ Цитируется по переводу «Cognitive Warfare» (Cluzel, 2020).

в контексте информационной войны, которая строится на ожиданиях и оценках реакций лиц, принимающих решения или, в более общем плане, выбранной аудитории, с целью последующей корректировки сообщения или сигнала [3] для более успешной информационно-психологической атаки.

Подводя итог анализу основных функций социальной коммуникации в рамках ментальной или когнитивной войны, стоит вспомнить, что «фундаментальной целью когнитивной войны является воздействие на целевые группы населения. Влияние достигается путем манипулирования интерпретацией объекта и его пониманием окружающего мира»¹⁰, о чём мы писали, рассматривая информационную функцию. Поэтому адекватному пониманию как ещё одной системной оценке стратификации сообщества, следует уделить особое внимание.

Социоментальная стратификация

Помимо ментальной войны в нашей академической среде распространение также получил термин «смысловые войны – средство создания и распространения глобальных смыслов, ориентированных на качественные изменения в содержании и мотивации сознания миллионов людей» [5]. В этой связи стоит обратиться к разработанной Т.М. Дридзе методологии социоментальной стратификации, основанной на способности индивида ориентироваться в коммуникативно-информационном пространстве, адекватно понимать и интерпретировать информацию [42]. Как показали исследования Т.Адамьянц российской аудитории, при восприятии общественно-политической информации, социоментальные группы можно разделить на три уровня коммуникативных навыков: высокий, средний и низкий; они, в свою очередь, характеризуются тремя группами восприятия: адекватное 13–14%, частично адекватное – 30%, неадекватное – 30% [43]. Становится очевидно, что группа адекватного восприятия 14% совпадает с «высшим слоем» в РФ 10–15%, о которой мы писали выше. Исследовательская

¹⁰ Цитируется по перевод «Cognitive Warfare An attack on truth and thought 2020» (Bernal et al., 2020)

догадка, в данном случае, следующая. В России существует «высший слой», в него входит около 15% населения, однако, он не связан с привилегированными формами занятости или потребления, а характеризуется высоким уровнем коммуникативных навыков и адекватного восприятия. Можно сделать вывод, что именно эта часть населения, распределённая по всем слоям и социально-демографическому спектру, обладает субъектностью в рамках существующего культурно-исторического периода. Значит выявление того, кто эти люди (какие роли входят в эти 13–14%) и как формировалось их мировоззрение в разных социальных слоях, должно стать одним из ведущих направлений социальных исследований, т.к. формирование критического и рефлексивного мышления, как части адекватного восприятия, является основным инструментом противодействия в ментальной войне.

Вывод

Социальная структура, в силу своей иерархичности и внутренней статусной мобильности, является открытой уязвимостью для целей ментальной или смысловой войны. Благодаря механизмам социальной стратификации появляется возможность влияния на функционирование всей социальной системы и «переключения» её подсистем на удовлетворение личностных или групповых потребностей, в классовом понимании, в обход социальных потребностей всего сообщества. Активный агент, обладающий ресурсами и коммуникативными технологиями, способен внедрить свои ценностно-нормативные установки, возбуждая диссоциативные процессы в социальной системе, приводя, таким образом, к разобщению, поляризации и расколу данного сообщества. Исходя из этого, правдоподобно рассматривать социальную структуру, как мы предположили в гипотезе, основной целью ментальной войны. Причём, важно заметить, что для социального дисбаланса используются те же функции, что и для её поддержания, как мы показали на примере социальной коммуникации. Этим мы также отвечаем на вопрос о последствиях для социаль-

ной системы целенаправленного влияния на наше мышление внешних сил, поставленном во введении.

В задачу исследования входила постановка вопроса для дальнейшего социального изучения контекстов ментального или смыслового противостояния. Можно считать эту задачу выполненной, т.к., ориентируясь теперь на группу адекватного понимания (13–14%), можно сформулировать цель определения того паттерна, что позволяет этой прослойке быть носителями критического мышления. От этого может зависеть устойчивость всего сообщества в развернувшихся смысловых войнах.

Список литературы

1. Школьников А.Ю. Очерк о психоисторических / ментальных войнах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://shkolnikov.info/articles/11-analitika-i-prognozy/106073-ocherk-o-psikhoistoricheskikh-mental-nykh-voynakh> (дата доступа 28.08.2023)
2. Hoffman F. Hybrid Warfare and Challenges // JFQ. – 2009. – Issue 52, 1st quarter. – P. 35.
3. Манойло А.В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. – М.: Горячая линия – Телеком, 2023. – 495 с.
4. Нежданов И.Ю. Технологии информационных войн в интернете. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bash.rosmu.ru/activity/attach/events/1283/01.pdf> (дата доступа 28.08.2023)
5. Адамьянц Т.З. Коммуникационные механизмы современных смысловых противостояний // Социологические исследования. – 2019. – № 3. – С. 98–105. – DOI 10.31857/S013216250004282-3. – EDN ZADYUP.
6. Лепский В.Е. Методологический и философский анализ развития проблематики управления / В. Е. Лепский. – М.: Когито-Центр, 2019. – 340 с. – ISBN 978-5-89353-547-1. – EDN RRRGAO.
7. Фурсов А.И. Психоисторическая война. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://izborsk-club.ru/2439> (дата доступа 28.08.2023)
8. Перелегин С.Б. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.business-gazeta.ru/>

article/522642 (дата доступа 28.08.2023)

9. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. – М.: Родина, 2022. – 464 с. – ISBN 978-5-00180-783-4.

10. *Лефевр В.А.* Лекции по теории рефлексивных игр / В. А. Лефевр. – М.: Когито-Центр, 2009. – 218 с. – ISBN 978-5-89353-292-0. – EDN RAXUSB.

11. *Высоков И.Е.* Психология познания : Учебник / И. Е. Высоков. – 1-е изд.. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 399 с. – (Бакалавр и магистр. Академический курс). – ISBN 978-5-9916-3528-8. – EDN SYLRXU.

12. *Лук А.Н.* Очерки эвристической психологии / А. Н. Лук. – Москва : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2013. – 230 с. – ISBN 978-5-9963-2245-9. – EDN SUMLIF.

13. *Ильницкий А.М.* Ментальная война России // Военная мысль. – 2021. – № 8. – С. 19-33. – EDN TDSKIX.

14. *Лосев А., Ильницкий А.* Почему русские не сдаются. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pnr.ru/politics/pochemu-russkie-nesdayutsya.html> (дата доступа 28.08.2023)

15. *Яновский О.* Проект «Осиный рой». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/proekt_osinij_roj (дата доступа 28.08.2023)

16. *Claverie B., Cluzel F.* The Cognitive Warfare Concept // Innovation Hub Sponsored by NATO Allied Command Transformation. – 2022. – P. 2022-02. URL: https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2022-02/CW%20article%20Claverie%20du%20Cluzel%20final_0.pdf (дата доступа 29.08.2023)

17. *NATO REVIEW.* Противокогнитивная борьба: осведомленность и устойчивость. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2021/05/20/protivokognitivnaya-bor-ba-osvedomlennost-i-ustojchivost/index.html> (дата доступа 28.08.2023)

18. *NATO Symposium.* Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2022-03/Cognitive%20Warfare%20Symposium%20-%20ENSC%20-%20March%202022%20Publication.pdf> (дата доступа 28.08.2023)

19. *Bernal A., Carter C., Singh I., Cao K., Madreperla O.* (2020). Cognitive Warfare An attack on truth and thought. URL: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-03/Cognitive%20Warfare.pdf> (дата доступа 28.08.2023)

20. *Sweijts T., Osinga F., Zilincik S., Vorm M., Wiltenburg I., Torossian B.* The NATO Warfighting Capstone Concept: Key Insights from the Global Expert Symposium Summer 2020 / Hague Centre for Strategic Studies. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/resrep26765> (дата доступа 28.08.2023).

21. *Beauchamp-Mustafaga N.* Chinese Next-Generation Psychological Warfare: The Military Applications of Emerging Technologies and Implications for the United States, RAND Corporation, RR-A853-1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA853-1.html (дата доступа 28.08.2023)

22. *Макаров Е.Б.* Ментальная и когнитивная войны: вопросы определения, цели и средства // Информационные войны. – 2023. – № 2(66). – С. 2-7. – EDN RTGEFL.

23. *Миллс Ч.Р.* Социологическое воображение. М.: ИД Nota Bene, 2001. – 264 с. – ISBN: 5-8188-0033-4.

24. *Кравченко А.И.* Социология: Общий курс: Учебное пособие для вузов. М.: ПЕРСЭ; Логос, 2002. – 640 с. – ISBN 5-94010-001-5.

25. *Потемкин В.* Военная социология или социология войны / В. К. Потемкин // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2016. – № 2. – С. 19-26. – EDN VROILD.

26. *Першуткин С.Н.* Социология войны: возможности и проблемы использования в изучении военных конфликтов XXI века (политико-социологические аспекты) // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2019. – № 2(19). – С. 167-175. – EDN JXGDHL.

27. *Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практика : перевод с французского языка / П. Бурдые ; составитель Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. – 576 с. – (Gallicinium). – ISBN 5-89329-761-X. – EDN QOENQL.

28. Бауман З. Свобода. М.: Новое Издание, 2021. – ISBN: 978-5-98379-261-6.
29. Викторов А.Ш. Социальная стратификация как структурированное неравенство в информационном обществе // Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина: Сборник материалов XIII Международной научной конференции «Сорокинские чтения – 2019. – М.: МАКС Пресс.
30. Тихонова Н.Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. – 2018. – № 6(410). – С. 53-65. – DOI 10.7868/S0132162518060053. – EDN XQOMMP.
31. Ильницкий А.М. Стратегия ментальной безопасности России // Военная мысль. – 2022. – № 4. – С. 24-35. – EDN KGURHY.
32. Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. – М.: Ленанд, 408 с. – ISBN 978-5-9710-9821-8.
33. Петров М.К. Язык. Знак. Культура. – М.: URSS, 2021. – 328 с. – ISBN 978-5-9519-2379-0.
34. Болотова А.К., Жуков Ю.М. Психология коммуникаций. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. – 495 с. – ISBN 978-5-7598-1107-7.
35. Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие. – М.: ИД ВШЭ, 2020. – 591 с. – ISBN 978-5-7598-2119-9.
36. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. – М.: ИД ВШЭ, 2020. – 312 с. – ISBN 978-5-7598-1202-9.
37. Конечкая В.П. Социология коммуникаций. Учебник. – М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997. – 304 с.
38. Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. – М.: Политиздат, 1987. – 368 с.
39. Бернейс Э. Формирования общественного мнения. М.: АСТ, 2023. – 224 с. – ISBN 978-5-17-151616-1.
40. Емельянов Г.В., Лепский В.Е., Стрельцов А.А. Проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности России // Информационное общество. – 1999. – № 3. – С. 47-51. – EDN HRNSOP.
41. Cognition Workshop. Innovative Solutions to

Improve Cognition. URL: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-07/210601%20Cognition%20Workshop%20Report-%20v3.pdf> (дата доступа 30.08.2023)

42. Адамьянц Т.З. Социоментальные группы (СМГ) // Социология управления: теоретико-прикладной толковый словарь / Институт социологии РАН, Центр социологии управления и социальных технологий, Российское общество социологов, Научно-исследовательский комитет «Социологи организации и управления», Научно-исследовательский комитет «Социология городского и регионального развития». – М.: КРАСАНД, 2015. – С. 245-247. – EDN WDYGNC.

43. Адамьянц Т.З. Социоментальные группы в социальном познании // Социологические исследования. – 2015. – № 7(375). – С. 117-125. – EDN UCFOAN.

References

1. Shkolnikov A.Yu. Essay on Psychohistorical/Mental Wars. [Electronic resource]. – Access mode: <https://shkolnikov.info/articles/11-analitika-i-prognozy/106073-ocherk-o-psikhoistoricheskikh-mental-nykh-voynakh> (access date 08/28/2023)
2. Hoffman F. Hybrid Warfare and Challenges // JFQ. – 2009. – Issue 52, 1st quarter. – P. 35.
3. Manoilo A.V. Information warfare and psychological operations. Guide to action. – М.: Hotline – Telecom, 2023. – 495 p.
4. Nezhdanov I.Yu. Information warfare technologies on the Internet. [Electronic resource]. – Access mode: <http://bash.rosmu.ru/activity/attach/events/1283/01.pdf> (access date 08/28/2023)
5. Adamyants T.Z. Communication mechanisms of modern semantic confrontations // Sociological studies. – 2019. – No. 3. – P. 98-105. – DOI 10.31857/S013216250004282-3. – EDN ZADYUP.
6. Lepsky V.E. Methodological and philosophical analysis of the development of management issues / V. E. Lepsky. – М.: Kogito-Center, 2019. – 340 p. – ISBN 978-5-89353-547-1. – EDN RRRGAO.
7. Fursov A.I. Psychohistorical war. [Electronic resource]. – Access mode: <https://izborsk-club.ru/2439> (access date 08/28/2023)

8. *Pereslegin S.B.* History as a subject of management [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.business-gazeta.ru/article/522642> (access date 08.28.2023)
9. *Kara-Murza S.G.* Manipulation of consciousness. – M.: Rodina, 2022. – 464 p. – ISBN 978-5-00180-783-4.
10. *Lefevre V.A.* Lectures on the theory of reflexive games / V. A. Lefevre. – M.: Cogito-Center, 2009. – 218 p. – ISBN 978-5-89353-292-0. – EDN RAXUSB.
11. *Vysokov I.E.* Psychology of cognition: Textbook / I. E. Vysokov. – 1st ed. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. – 399 p. – (Bachelor and Master. Academic course). – ISBN 978-5-9916-3528-8. – EDN SYLRXU.
12. *Luk A.N.* Essays on heuristic psychology / A. N. Luk. – Moscow: BINOM. Knowledge Laboratory, 2013. – 230 p. – ISBN 978-5-9963-2245-9. – EDN SUMLIF.
13. *Ilnitsky A.M.* *Mental war of Russia // Military thought.* – 2021. – No. 8. – P. 19-33. – EDN TDSKIX.
14. *Losev A., Ilnitsky A.* Why the Russians don't give up. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.pnp.ru/politics/pochemu-russkie-ne-sdayutsya.html> (access date 08/28/2023)
15. *Yanovsky O.* Project “Wasp Swarm”. [Electronic resource]. – Access mode: https://zavtra.ru/blogs/proekt_osinij_roj (access date 08/28/2023)
16. *Claverie B., Cluzel F.* The Cognitive Warfare Concept // Innovation Hub Sponsored by NATO Allied Command Transformation. – 2022. – P. 2022-02. URL: https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2022-02/CW%20article%20Claverie%20du%20Cluzel%20final_0.pdf (дата доступа 29.08.2023)
17. *NATO REVIEW.* Countercognitive struggle: Awareness and resilience. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2021/05/20/protivokognitivnaya-bor-ba-osvedomlennost-i-ustojchivost/index.html> (access date 08/28/2023)
18. *NATO Symposium.* Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2022-03/Cognitive%20Warfare%20Symposium%20-%20ENSC%20-%20March%202022%20Publication.pdf> (access date 08/28/2023)
19. *Bernal A., Carter C., Singh I., Cao K., Madreperla O.* (2020). Cognitive Warfare An attack on truth and thought. URL: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-03/Cognitive%20Warfare.pdf> (access date 28.08.2023)
20. *Sweijs T., Osinga F., Zilincik S., Vorm M., Wiltenburg I., Torossian B.* The NATO Warfighting Capstone Concept: Key Insights from the Global Expert Symposium Summer 2020 / Hague Centre for Strategic Studies. [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.jstor.org/stable/resrep26765> (access date 28.08.2023).
21. *Beauchamp-Mustafaga N.* Chinese Next-Generation Psychological Warfare: The Military Applications of Emerging Technologies and Implications for the United States, RAND Corporation, RR-A853-1. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA853-1.html (access date 28.08.2023)
22. *Makarov E.B.* Mental and cognitive wars: questions of definition, goals and means // Information wars. – 2023. – No. 2(66). – P. 2-7. – EDN RTGEFL.
23. *Mills C.R.* Sociological imagination. M.: Publishing House Nota Bene, 2001. – 264 p. – ISBN: 5-8188-0033-4.
24. *Kravchenko A.I.* Sociology: General course: Textbook for universities. M.: PERSE; Logos, 2002. – 640 p. – ISBN 5-94010-001-5.
25. *Potemkin V.* Military sociology or sociology of war / V. K. Potemkin // Telescope: journal of sociological and marketing research. – 2016. – No. 2. – P. 19-26. – EDN VROILD.
26. *Pershutkin S.N.* Sociology of war: opportunities and problems of use in the study of military conflicts of the 21st century (political and sociological aspects) // Humanitarian problems of military affairs. – 2019. – No. 2(19). – pp. 167-175. – EDN JXGDHL.
27. *Bourdieu P.* Social space: fields and practice: translation from French / P. Bourdieu; compiled by N. A. Shmatko. – M.: Institute of Experimental Sociology, 2005. – 576 p. – (Gallicinium). – ISBN 5-89329-761-X. – EDN QOENQL.
28. *Bauman Z.* Freedom. M.: New Edition, 2021. – ISBN: 978-5-98379-261-6.

29. *Viktorov A.Sh.* Social stratification as structured inequality in the information society // Social stratification in the digital era: on the 130th anniversary of the birth of Pitirim Sorokin: Collection of materials of the XIII International Scientific Conference "Sorokin Readings – 2019. – М.: MAX Press.
30. *Tikhonova N.E.* Stratification by life chances of the mass strata of modern Russian society // Sociological Research. – 2018. – No. 6(410). – pp. 53-65. – DOI 10.7868/S0132162518060053. – EDN XQOMMP.
31. *Ilnitsky A.M.* Strategy of mental security of Russia // Military Thought. – 2022. – No. 4. – P. 24-35. – EDN KGURHY.
32. *Afanasyev V.G.* Social information and social management. – М.: Lenand, 408 p. – ISBN 978-5-9710-9821-8.
33. *Petrov M.K.* Language. Sign. Culture. – М.: URSS, 2021. – 328 p. – ISBN 978-5-9519-2379-0.
34. *Bolotova A.K., Zhukov Yu.M.* Psychology of communications. – М.: Publishing house. HSE House, 2015. – 495 p. – ISBN 978-5-7598-1107-7.
35. *Castells M.* The power of communication: textbook. allowance. – М.: HSE Publishing House, 2020. – 591 p. – ISBN 978-5-7598-2119-9.
36. *Keen J.* Democracy and media decadence. – М.: HSE Publishing House, 2020. – 312 p. – ISBN 978-5-7598-1202-9.
37. *Konetskaya V.P.* Sociology of communications. Textbook. – М.: International University of Business and Management, 1997. – 304 p.
38. *Grushin B.A.* Mass consciousness: Experience of definition and research problems. – М.: Politizdat, 1987. – 368 p.
39. *Bernays E.* Formation of public opinion. М.: AST, 2023. – 224 p. – ISBN 978-5-17-151616-1.
40. *Emelyanov G.V., Lepsky V.E., Streltsov A.A.* Problems of ensuring information and psychological security of Russia // Information society. – 1999. – No. 3. – P. 47-51. – EDN HRNSOP.
41. *Cognition Workshop.* Innovative Solutions to Improve Cognition. URL: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-07/210601%20Cognition%20Workshop%20Report-%20v3.pdf> (accessed 08/30/2023)
42. *Adamyants T.Z.* Sociomental groups (SMG) // Sociology of management: theoretical and applied explanatory dictionary / Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Center for Sociology of Management and Social Technologies, Russian Society of Sociologists, Research Committee "Sociologists of Organization and Management", Research Committee "Sociology of Urban and regional development". – М.: KRASAND, 2015. – P. 245-247. – EDN WDYGNC.
43. *Adamyants T.Z.* Sociomental groups in social cognition // Sociological Research. – 2015. – No. 7(375). – pp. 117-125. – EDN UCFOAN.

Статья поступила в редакцию 29 августа 2023 г.
Принята к публикации 29 сентября 2023 г.

Ссылка для цитирования: Макаров Е.Б. Социология ментальной войны // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2023. № 3(43). С. 5-18. DOI: <https://doi.org/10.37468/2307-1400-2023-3-5-18>

For citation: Makarov E.B. The sociological dimension of mental warfare // National security and strategic planning. 2023. № 3(43). pp. 5-18. DOI: <https://doi.org/10.37468/2307-1400-2023-3-5-18>

Сведения об авторах:

Макаров Евгений Борисович – Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, г. Калининград, Россия
SPIN-код: 5408-3159
e-mail: makarov33@mail.ru

Information about authors:

Makarov Evgeny B. – Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia
SPIN-код: 5408-3159
e-mail: makarov33@mail.ru